

ДОЖДЬ

Карима Сорокоумова

18+

Карима Сорокоумова

Дождь

«Автор»

2026

Сорокоумова К.

Дождь / К. Сорокоумова — «Автор», 2026

Повесть о том, что настоящая любовь — это когда твои «странности» находят отклик в «странностях» другого, превращаясь в один общий, идеально сошедшийся пазл, и о том, как мужчина находит силу в любви своей жены, а женщина — смысл в уникальности своего мужа. Светлая история о том, как чуткость и любовь способны превратить глубокий комплекс в уникальную карту счастья, а обычный дом — в надежное укрытие от любых жизненных бурь.

© Сорокоумова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дождь

* * *

Ислам

Итак, новая страница в жизни...

Я стоял в новой для себя ванной перед зеркалом и думал.

Что чувствует человек, кожа которого похожа на пиратскую карту сокровищ из детской классики?

Большинство людей не знали. Я знал. И я знал, что об этом думают другие люди. Те, которые «одноцветные».

Из зеркала на меня смотрели разной величины пятна — совсем белые. Они были на теле — эти можно было прикрыть одеждой. Они были на лице и на руках. Эти не прикроешь. Они ещё и стали причиной бесцветной пряди волос на моей голове и пары таких же участков в бороде — именно их я закрашивал сейчас. Чтобы «пятнистость» не бросалась в глаза ещё больше.

Меня с детства учили замечать милости Аллаха и благодарить за них. А ещё — понимать, что такое испытания и для чего они нужны.

Эти пятна были испытанием — они стоили мне огромного количества колких замечаний, насмешек, издевательств и просто испуганных или наполненных отвращением взглядов.

Но хорошая новость была в том, что, в отличие от многих других с похожим испытанием, я мог точно сказать, как буду выглядеть через месяц или год. Потому что у меня процесс был уже завершён: новые пятна не появлялись. «Рисунок» сформировался и остался.

И останется насовсем, потому что у меня была резистентность — лечение не брало.

Не все относились к моей внешности плохо. Родные и старые знакомые давно не реагировали. Братья по вере в основном тоже были настроены вполне доброжелательно — особенно после того, как я объяснял, что это не заразно.

Но, как выяснилось, даже у единоверцев есть предел переносимости.

Два года назад я трижды делал предложения девушкам. Мне отказывали с порога, прямо по фото или глянув на меня в соцсетях. Я старался не расстраиваться, потому что предопределение есть предопределение и чужой риск мне всё равно не достанется.

Год с лишним назад я сделал предложение девушке, которая согласилась. Несмотря на «карту сокровищ», которую я собой представлял. И вроде всё сошлось. Первичное согласие было, мы даже начали было обсуждать дальнейшую жизнь и свадьбу... Пока однажды она не прислала мне сообщение: «Прости, Ислам, я ещё раз всё обдумала и прочитала истихару... Надеюсь на понимание».

Так была поставлена жирная точка в моём четвёртом по счёту и до сих пор самом успешном сватовстве.

Сейчас, приехав в новый город учиться в аспирантуре, я думал о том, что, возможно, здесь я наконец-то встречу свою судьбу.

После того разрыва мне долго не хотелось делать новых попыток — я уже было вошёл в «женатый» образ, и то, как резко меня из него выдернули, причинило почти физическую боль.

* * *

Дождь

— Дождик, зонт не забудь, там твой тёзка начинается...

Я улыбаюсь. Азиз опять прикалывается. Как всё-таки хорошо иметь старшего брата.

Я благодарила Всевышнего. Благодарил постоянно.

Я не была родной в этой семье. Но это ровно ничего не значило.

Мама родила меня и умерла. А папа, вдрызг пьяный, плакал, как ребёнок, и записал меня под странным именем «Дождь». Из его нетрезвого лепетания на регистратуре поняли, что так хотела мама. То ли у неё правда была такая мечта, то ли у отца просто была белая горячка.

Забирать он меня не стал. Он пил беспробудно и вскоре бестолково погиб где-то на проезжей части.

Это всё, что я знала о своей биологической семье. Когда мне было полгода год, моя теперешняя мама взяла меня из детдома. После того, как она родила Азиза, ей сказали, что больше детей она иметь не сможет. И они с папой взяли меня.

История с именем до них тоже дошла, и менять ничего не стали: вдруг действительно та, которая меня родила, хотела, чтобы дочь звали в честь этого благодатного природного явления?..

И я осталась с дождём в качестве имени. Мама кормила меня вместе с Азизом, который был на год старше, так что я была им всем молочной — дочкой и сестрой.

Меня воспитали в исламе, и я часто думала о том, что, не попади я в эту семью, я не открыла бы для себя эту истину, не знала бы этой благодати...

Мы с Азизом были не разлей вода. Хотя разница у нас была всего в год, он вёл себя так, будто там все пять — опекал иногда прямо как ребёнка. А ещё очень комично выглядела наша разница во внешности: его откровенно азиатско-чернявый тип с миндалевидными глазами против моего крепко славянского.

Я подошла к окну.

Дождь...

Я не знала, любила ли своё имя. С одной стороны, оно было красивым и необычным. С другой — из-за него я пережила столько насмешек и издевательств, что были времена, когда мне втайне хотелось как-нибудь от него избавиться.

Я взяла зонтик и пошла в универ.

* * *

Ислам

Я толком никого здесь не знал. Но на джума познакомился с парой братьев. Они пригласили меня в гости, потом предложили волонтерить при исламском благотворительном фонде — такое я любил. Мне всегда нравилось делать добро и помогать людям. Тем более учёба в аспирантуре обещала быть «ленивой» — я схватывал быстро, так что в моём случае это было больше про диплом, чем про дополнительные знания.

Эти дни накрапывал дождь. Шёл он и сегодня.

Мы освободились рано. Я шёл через парк.

Эта девушка снова сидела на лавочке в укромном уголке. Я видел её на мероприятии две недели назад. И она как-то сразу понравилась мне. Не знаю, легла душа... Но в суете, переполненный впечатлениями и от нового места жительства, и от нового места учёбы, и от мероприятия, и от новых знакомств, я «стормозил», так никого и не спросив о ней.

Я жалел, потому что понимал: на мероприятии она могла быть случайным гостем. Могла быть приезжей. И разыскивать её потом, ничего о ней не зная, — всё равно что искать иголку в стоге сена.

Но три дня назад я увидел её на лавочке. Она читала Коран. Да, не сидела в телефоне, не читала роман, а тихо уткнулась в карманный мусхаф.

Я почти решился. Осталось метра три. Поэтому я и сумел увидеть мусхаф в её руках.

Но что-то меня остановило. Какое-то иррациональное внутреннее «зачем опять?»

И я отошёл и пошёл своей дорогой. Но образ её не отпускал меня, и я решил для себя, что если увижу её снова, всё-таки подойду. По крайней мере, попробую.

Я даже прочитал дома истихару, чтобы всё уже было наверняка.

И сегодня она сидела на другой скамейке, но в то же время.

Быть может, в последний раз. Вдруг она в городе проездом? Вдруг единственная возможность?

Мне нужно только узнать, свободна ли она, как её зовут и координаты её вали. Всё. Это две минуты.

И в этот раз я подошёл. Дождь капал, поэтому я натянул капюшон.

* * *

Дождь

— Ассалям алейкум...

Приветствие вырвало меня из заучивания очередного аята.

Они хорошо учились у меня именно здесь — в тишине парка, на лавочке, пока я ждала Азиза. Сорок минут — хороший срок.

Я подняла глаза. Прямо напротив меня стоял парень в натянутом на голову капюшоне.

Я где-то его видела... А, две недели назад на мероприятии. Они с Азизом постоянно были вместе. И, ища глазами брата, я два раза наткнулась взглядом на него.

Он был... необычный.

Витилиго. Я поняла это ещё тогда. Но вблизи этот рисунок на лице и шее смотрелся ещё колоритнее.

— Ва алейкум ассалям, — ответила я в некоторой растерянности.

Если честно, я вовсе не ожидала увидеть его здесь, прямо перед собой. И пыталась сообразить, к чему бы это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.